

Издано
за рубежом

МАНИФЕСТ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

□

Aragon. J'abats mon jeu. Paris. Les Editeurs Français Réunis, 1959.

□

Едва улеглись споры вокруг «Страстной недели», «Объединенные французские издатели» поставили на стэнд книгу в привычно скромном переплете: «Арагон. Я открываю карты». Те, кто твердил об «отходе» писателя - коммуниста от прежних взглядов, приумолкли. Когда статьи «Вечная весна», «Называть вещи своими именами», «Умейте любить» впервые появились в печати (конец 1958 — начало 1959 г.), буржуазная пресса пыталась превратно толковать и размышления Арагона над понятием «пролетарская литература», и его восхищенные экзотической любовной историей, рассказанной молодым автором Филиппом Соллерсом; она поторопилась объявить Арагона приверженцем «чистого» искусства. Кое-кому очень хотелось представить различные аспекты мысли Арагона не как стороны единой эстетической концепции, развиваемой писателем вот уже более четверти века, а как некую «прелюдию» к новой системе взглядов на литературу, где не было бы места ни социалистическому реализму, ни принципу партийности.

Горе-критики не хотели замечать, что в тех же статьях автор недвусмысленно заявлял о своих симпатиях и антипатиях, остроумно высмеивая поборников удивительной «объективности», требующей от художника предательства

по отношению к своим идеалам.

И вот теперь, когда Арагон объединил выступления последнего года в одной книге с более ранними статьями, раздалось возгласы недовольства: еженедельник «Ар» без обиняков объявил, что некоторые лица на ярком свете проигрывают, а мысли от прояснения тускнеют. Ибо, оказывается, «таинственный писатель», тонкий знаток искусства, «мгновенно исчезает, едва вспыхивают лампы Конгресса», то есть когда читатель находит в сборнике речи на XIII съезде ФКП или Втором съезде советских писателей.

Да, в книге Арагона много света, много правды, которой страшится тот, кто не уверен в своей правоте. Писатель дает бой теоретикам абсурдности, он утверждает возможность преобразования вселенной разумом человека, гордо заявляет о своей решимости идти по пути искусства, вдохновленного идеями социализма.

Ныне не только литература социалистического реализма, но и вся национальная литература, заявляет Арагон, не может развиваться без учета того, что «рабочий класс все более представляет нацию, возглавляя ее».

Именно поэтому перед прогрессивными художниками такой страны, как Франция, встает особо трудная задача — возглавить движение национальной культуры. Я не хочу, восклицает писатель, гордиться зоркостью, если рядом есть незрячие. Трудные поиски места в жизни и борьбе вызывают понимание и симпатию автора. Книга, рожденная пафосом борьбы пролетариата, должна выходить за классовые

рамки, становиться явлением национальной литературы, обращаться к тем, «кто в пути».

Чтобы выполнить эту почетную миссию, передовой литературе необходимо изучать явления живого литературного процесса. Социалистический реализм постоянно развивается, проверяя свои достижения практикой других направлений и иных национальных литератур, отыскивая наиболее действенный способ влияния на читателя. Нельзя не учитывать, напоминает Арагон, международный опыт искусства социалистического реализма и в первую очередь искусства страны, самый факт рождения которой сорок лет назад «в корне изменил условия существования культуры во всех странах».

Надо иметь в виду, повторяет писатель, что метод социалистического реализма формируется в мире, полном противоречий, во взаимодействии и полемике с иными творческими методами. Отсечь его от нацио-

нального организма — значит обескровить его. Он растет, расширяет сферу своего влияния, черпая силы в живительном роднике национальной культуры, вбирая и переосмысливая то ценное, что содержат другие творческие направления. Способность же придавать старым приемам новое звучание — свидетельство зрелости социалистического реализма. Такое обогащение возможно потому, что цель социалистического реализма, как считает писатель, принципиально отличается от целей других литературных групп. Он добивается торжества определенного «видения мира», а не «торжества стиля».

Арагон убежден, что искусство социалистического реализма новаторски переосмысливает не только средства художественной выразительности, но и самую проблематику, сообщая новое дыхание таким «вечным» темам, как любовь, чувство материнства и т. д. Смешны попытки буржуазной критики найти в пафосе, с каким Арагон защищает, скажем, значимость темы любви, следы «усталости» от общественных битв. Прислушаемся к его аргументации: «Как нелепа клевета, согласно которой в реализме, освещенном солнцем социализма, любовь должна зачахнуть!

Наоборот, именно социалистический идеал дает реалистической истории подлинную силу любви».

Понятие любви расширяется, вбирая, кроме привязанности двух сердец, чувство гражданственности, готовность самоотверженно сражаться за свои идеалы. Презрительно отстраняет художник-борец тех, кто «не любит или любит чуть-чуть». Храня в памяти образы непокорных, сгоревших ради счастья других, он требует: «Умейте любить!»

Даже пунктирное изложение авторских мыслей показывает, как много оригинального, свежего, полемически-острого, хотя иногда спорного, принесла последняя книга Арагона «Я открываю карты». В ней не трудно найти предлоги для дискуссий.

Какое содержание вкладывается в понятие «буржуазная культура»? В чем подлинная художественность произведения и может ли она сочетаться с антигуманистическими идеями? Правомерно ли говорить о «противоречиях» в понимании социалистического реализма в условиях капиталистической страны и понимании того же метода в условиях социализма? Эти и некоторые другие вопросы могут получить в итоге серьезной творческой поле-

мики иное решение, чем то, что предложено статьями Арагона. Но теоретические проблемы, которые ставит автор, интересуют передовых писателей всех стран мира.

В жизни французской интеллигенции значение последних выступлений Арагона трудно переоценить. Автор сборника «Я открываю карты» — достойный преемник боевой, противостоящей как оппортунизму, так и сектантству традиции французской эстетической мысли. «Все творчество, вся многосторонняя деятельность Арагона, — заявил недавно Морис Торез, — выражают страстное стремление помочь развитию прогрессивного демократического крыла французской литературы, готовность действительно служить величию Франции...»

Замысел автора книги «Я открываю карты» ясен и не может не вызвать уважения:

«Буржуазная демократия старается затемнить самые очевидные вещи — все карты перемешаны. Путать карты — вот что называется демократией». «...Я хочу выиграть... показав все свои карты. Я не из тех, кто плутует. Выиграть не случайно, а закономерно. Я открываю карты...»

Т. Балашова

ПОЭЗИЯ И БОРЬБА

□

Alexander Saxton.
Bright Web in the Darkness.
New York, St Martin's
Press, 1958.

□

Пожилый элегантный мужчина приходит на могилу жены. Он приехал на дорогой машине новейшего образца, одет с иголочки; его сын сделал блестящую партию, открывающую дорогу к высшим государственным должностям. Почему же так безнадежно одинок

этот преуспевающий и еще не старый человек?

Когда-то адвокат Уолтер Стоун видел смысл существования в борьбе за справедливость, за права рабочих. Но путь оказался тернистым, а профессия профсоюзного адвоката — золотым дном... если держать сторону хозяев и боссов от «бизнес-юнионизма». Все произошло незаметно, как бы само собой. Незаметно пришли благополучие, известность; так же незаметно подкралась постоянная внутренняя раздвоенность и опустошенность, мучительное ощущение собственного отщепенства.

Главные герои нового романа Александра Сэкстона «Паутинка, светящаяся во мгле» — рабочие верфи «Сан Мартин» в Сан-Франциско — живут в совершенно иной обстановке. Но каждый поставлен перед необходимостью того же выбора — «в каком идти, в каком сражаться стане». И логика событий подводит их к выбору пути тоже незаметно — они зачастую даже и не отдают себе в том отчета.

Роман рассказывает о жизни и борьбе американских трудящихся во время второй мировой войны. Но тема его — это отмечала